

ГЛАВА IV
НА ЗАРЕ СОВЕТСКОЙ ИМПЕРИИ.
«Я – КОБА, А ТЫ – ЛАКОБА...»¹

**Смерть Ленина:
Лакоба между Сталиным и Троцким**

В связи с образованием Закавказской федерации возник «грузинский вопрос», так называемый инцидент между Серго Орджоникидзе и группой Буду Мдивани. 25 ноября 1922 г. Политбюро приняло решение направить в Тифлис комиссию во главе с Дзержинским. В тот же день он выехал из Сухума, где отдыхал с октября. Известна фотография, снятая тогда в столице Абхазии: Дзержинский и Лакоба сидят рядом, а ближе к центру – Орджоникидзе и Рыков. Недалеко от Рыкова стоит Генрих Ягода – предшественник Ежова. Этот снимок сделан, по всей вероятности, накануне или в день отъезда комиссии из Сухума в Тифлис, т. е. 25 ноября 1922 года. Часть пути Дзержинского и Орджоникидзе сопровождал Нестор. На фотографии, снятой уже в Зугдидском ботаническом саду, Лакоба сидит в центре, между Дзержинским и Ягодой.

Ровно за два месяца до этого, 25 сентября 1922 г., Нестор получил письмо из Москвы:

«Дорогой т. Лакоба!

Могилевский и Атарбеков тебе наверное уже сообщили о том, что тт. Дзержинский, Ягода и др. едут в гости к тебе на два месяца. Надо их поместить в лучшем (в чистом, без насекомых, с отоплением, освещением и т. д.) особняке у самого берега моря. Быть во всех отношениях достойным абхазца гостеприимным хозяином, в чем у меня нет ни малейшего сомнения. Подробнее расскажет податель сего. Будь здоров. Крепко жму твою руку. Твой Серго».

Но вернемся к ноябрьской поездке в Тифлис. Ленин остался крайне недоволен результатами расследования комиссии. Он требовал «примерно наказать Орджоникидзе», а политическую ответственность возложить на Сталина и Дзержинского. Одновременно в декабре 1922 г. Ленин ведет

активную переписку с Троцким. В письме от 5 марта 1923 г. Ленин писал ему: «Я просил бы Вас очень взять на себя защиту грузинского дела на ЦК партии. Дело это сейчас находится под “преследованием” Сталина и Дзержинского, и я не могу положиться на их беспристрастие. Даже совсем напротив. Если бы вы согласились взять на себя его защиту, то я бы мог быть спокойным...».

Сославшись на болезнь, Троцкий не взялся за это щекотливое дело.

На следующий день произошло резкое ухудшение в состоянии здоровья Ленина, а 10 марта последовала потеря речи. Во время этой болезни до крайности обострились отношения между Троцким и сторонниками Сталина. Последний, при поддержке большинства членов Политбюро, повел энергичную борьбу против Троцкого. «...Со смертного одра Ленин направлял свой удар против Сталина и его союзников, Дзержинского и Орджоникидзе, – вспоминал Троцкий. – Ленин Дзержинского очень ценил. Охлаждение между ними началось тогда, когда Дзержинский понял, что Ленин не считает его способным на руководящую хозяйственную работу. Это собственно и толкнуло Дзержинского на сторону Сталина». Такова была закулисная расстановка сил.

Между тем с июля в состоянии здоровья Ленина наступает заметное улучшение, а 7 января 1924 г. он даже присутствует на новогодней елке. Ленин в прекрасном настроении, и ничто не предвещает беды. В этой стабильной обстановке Троцкий, по настоянию доктора Ф.А. Гетье, 16 января выезжает из Москвы на Кавказ. Пока его поезд шел до Тифлиса, в Сухум пришло небольшое письмо:

«Тов. Лакоба.

Дорогой товарищ! По состоянию болезни т. Троцкого врачи посылают в Сухум. Это стало широко известно даже за границей, а потому я опасюсь, чтобы со стороны белогвардейцев не было попыток покушения. Моя просьба к Вам иметь это в виду, т. Троцкий не будет по состоянию здоровья, в общем, выезжать из дачи – а потому главная задача не допустить туда посторонних, неизвестных. Прошу Вас по вопросу об охране сговориться и согласовать мероприятия с т. Кауровым.

Сердечный Вам и абхазцам коммунистический привет.

Ваш Ф. Дзержинский

18.1.24. Москва»

В тот же день Лакоба было отправлено и другое письмо:

«Дорогой Нестор!

К Тебе на лечение едет т. Троцкий. Ты, конечно, великолепно понимаешь, какая ответственность возлагается на Тебя и на всех нас его пребывание у Тебя. Надо его так обставить, чтобы абсолютно была исключена какая-нибудь пакость. Мы все уверены, что Ты сделаешь все, что необходимо.

Так дела здесь идут замечательно хорошо...

Целую тебя, Твой Серго».

Эти важные документы, написанные за три дня до смерти Ленина, Лакоба хранил в своем личном архиве.

Обращает на себя внимание то, что Орджоникидзе в своем письме к Нестору проявляет особенно уважительный тон («к Тебе», «у Тебя»). Очень многое, видимо, было поставлено на этот визит Троцкого в Абхазию. Вернее, на его временную изоляцию.

За три дня до кончины Ленина Троцкий проехал через Харьков. В продолжение последних месяцев его преследовала таинственная инфекция, которая сопровождалась постоянно повышенной температурой. «Путешествие, – писала жена Троцкого Н.И. Седова, – длинное само по себе – через Баку, Тифлис, Батум, удлинялось еще снежными заносами. Но дорога действовала скорее успокаивающим образом. По мере того как отъезжали от Москвы, мы отрывались несколько от тяжести обстановки ее за последнее время. Но все же чувство у меня было такое, что везу тяжелобольного. Томила неизвестность, как сложится жизнь в Сухуме, окружающие нас там будут ли друзья или враги?».

Известие о смерти Ленина застало Троцкого в Тифлисе 22 января. Тут же, на вокзале, он написал в 8 час. вечера известную тогда телеграмму-статью о Ленине. Об этой смерти Троцкий узнал из сообщения, в котором говорилось: «Передать т. Троцкому. 21 января в 6 час. 50 мин. (18 час. 50 мин. – С.Л.) скорострительно скончался т. Ленин. Смерть последовала от паралича дыхательного центра. Похороны в субботу 26 января. Сталин».

Троцкий сразу отреагировал на телеграмму Сталина. По прямому проводу он сообщил в Кремль: «Считаю нужным вернуться в Москву». Прошло около часа, и последовал ответ: «Похороны состоятся в субботу, не успеете прибыть вовремя. Политбюро считает, что Вам, по состоянию здоровья, необходимо ехать в Сухум. Сталин».

В эти сжатые сроки тяжело больной Троцкий никак не мог добраться до Москвы. Он выехал в Абхазию. «Только в Сухуме, – писал Троцкий, – лежа под одеялами на веранде санаториума, я узнал, что похороны были перенесены на воскресенье».

Сталин, убедившись, что Троцкий выехал в Сухум, перенес похороны с 26-го на 27 января. Именно этот один день давал возможность Троцкому успеть на похороны. «Как это ни кажется невероятным, – вспоминал Троцкий в 1930 г., – но меня обманули насчет дня похорон. Заговорщики по-своему правильно рассчитывали, что мне не придет в голову проверять их, а позже можно будет всегда придумать объяснение. Напоминаю, что о первом заболевании Ленина мне сообщили только на третий день. Это был метод. Цель состояла в том, “чтобы выиграть темп”». Отсутствие соперника Сталина в Москве в дни всенародного прощания с Лениным произвело тяжелое впечатление на партию и на ближайшее окружение Троцкого. Власть ускользала из его рук.

В Абхазии Троцкого прекрасно принял Лакоба. Он надежно «охранял» вождя Красной Армии, и тому понравилось в «обласканной природой стране».

Остановился он на госдаче, в бывшем парке Смецкого. Жена Троцкого вспоминала: «Приехали совсем разбитые. Первый раз видели Сухум. Цветли мимозы – их там много. Великолепные пальмы. Камелии. Был январь, в Москве стояли лютые морозы. Встретили нас абхазцы очень дружески. В столовой дома отдыха висели рядом два портрета, один в трауре – Владимира Ильича, другой – Л.Д. Хотелось снять этот последний – но мы не решились, опасаясь, что будет похоже на демонстрацию».

В феврале температура у Троцкого не поднималась уже выше 37. Он стал совершать непродолжительные прогулки, по-прежнему много читал и готовил к печати очередной труд. Нестора поразило, как Троцкий одновременно диктовал сразу двум машинисткам две совершенно разные статьи. Он ходил между ними и поочередно заваливал фразами.

О своих зимних впечатлениях Троцкий писал: «В Сухуме я лежал долгими днями на балконе лицом к морю. Несмотря на январь, ярко и тепло горело в небе солнце. Между балконом и сверкающим морем высились пальмы. Постоянное ощущение повышенной температуры сочеталось с гудящей мыслью о смерти Ленина... Я гораздо яснее представил себе тех “учеников”, которые бывали верны учителю в малом, но не в большом. Вместе с дыханием моря я всем существом своим ассимилировал уверенность в своей исторической правоте против эпигонов...»

27 января 1924 года. Над пальмами, над морем царила сверкающая под голубым покровом тишина. Вдруг ее перерезало залпами. Частая стрельба пачками шла где-то внизу, со стороны моря. Это был салют Сухума вождю, которого в этот час хоронили в Москве... И я был насквозь потрясен чувством благодарности, когда неожиданно получил через несколько дней письмо от Надежды Константиновны».

Солнечным днем 8 апреля 1924 г. на площади Свободы в Сухуме Председатель Реввоенсовета СССР, наркомвоенмор Л.Д. Троцкий впервые после продолжительной болезни публично произнес речь в память о Ленине. Он принимал военный парад при огромном стечении народа. Очевидец этого события старожил М. Хахмигери рассказывал, что у Троцкого была изумительная дикция, приятный голос. Выступал он без шпаргалки. Одет был в шинель и в буденовку со звездой. Каждое его слово далеко и отчетливо было слышно: «...И незадолго до смерти Ленин еще раз сказал нам всем: помните о солидарности трудящихся всех национальностей, помните об уважении к правам и интересам самой маленькой национальной группы... Скажем же прежде всего наше братское спасибо абхазскому правительству, Абхазской республике, абхазскому народу, ура!» (*Голос Трудовой Абхазии*. 1924. 11 апреля).

Троцкий и Лакоба исколесили всю Абхазию, были частыми гостями крестьян, посещали сельские сходы. На одном из них, в селе Моква, Троцкий произнес речь. Он начал ее по всем правилам абхазского ораторского искусства. Первой его фразой было ритуальное обращение, которое он произ-

нес по-абхазски: «Народ, ваши невзгоды мне...». Народ ахнул от изумления. Для крестьян это стало главным в его речи.

Тогда же в московской книжке «Кавказ наших дней» (1924 г.) журналист Зинаида Рихтер писала: «В Сухуме только в приемной предсовнаркома можно получить представление о крестьянской самобытной Абхазии. К т. Лакобе или, как его попросту крестьяне называют в глаза и за глаза, – к Нестору идут со всяким делом, минуя все инстанции, в уверенности, что он выслушает и рассудит. Предсовнарком Абхазии т. Лакоба пользуется любовью крестьян и всего населения. Тов. Зиновьев, когда был в Абхазии, пошутил, что Абхазию следовало бы переименовать в Лакобистан».

Весной 1924 г. в Сухум приезжала делегация ЦК в составе – Томский Фрунзе, Пятаков и Гусев, чтобы согласовать с Троцким перемены в личном составе военного ведомства. «По существу, это была чистейшая комедия, – писал наркомвоенмор. – Обновление личного состава в военном ведомстве давно совершалось полным ходом за моей спиной... Воцарился режим чистой диктатуры аппарата над партией».

Перед отъездом Троцкого председатель Совнаркома Абхазии Нестор Лакоба в беседе с корреспондентом газеты *Заря Востока* сказал: «Сейчас он выглядит вполне здоровым, бодрым, веселым. Два с половиной месяца т. Троцкий провел в абхазском “уголке отдыха” (субтропическая флора) имени Серго Орджоникидзе.

Тов. Троцкий часто выходил на охоту. Местные крестьяне-охотники сразу признали в нем своего коллегу. И, действительно, Лев Давидович оказался хорошим стрелком. С морского истребителя (военный катер. – С.Л.) он бьет уток на лету; в окрестностях Сухума от его глаза не ускользнули ни одно озеро или болото, в котором была дичь. Во время охоты – та же присутствующая ему энергия, желание во что бы то ни стало поразить объект...

Не меньший интерес вызвали в нем быт и нравы нашей республики, обычай кровавой мести, насколько этот обычай изжит.

В общем, не было мелочи в жизни Абхазии, которой он ни затронул бы в двух-трех словах и относительно которой он ни хотел бы получить информацию...

Мы были довольны своим гостем и будем удовлетворены, если окажется, что мы не злоупотребили отдыхом».

Довольны были все. Особенно Сталин. Лакоба окружил Троцкого таким вниманием и заботой, что тот, сверх всех ожиданий, вернулся в Москву только в середине апреля. Сталин сильно укрепил свои позиции за время его отсутствия.

В 12 часов дня 10 апреля на миноносце Троцкий покинул Сухум. Стоявший на рейде греческий пароход «Язон» салютовал ему при отходе. Через пять часов миноносец прибыл в Батум. Из Батума сообщалось: «Тов. Троцкий горячо благодарит абхазцев за их любовь и внимание к находящимся в Абхазии частям Красной Армии. В этом внимании вождь Красной Армии видит духовную спайку абхазского народа и красных воинов...».

На следующий день на заседании Тифлисского Совета Троцкий выступил с докладом «Международное и внутреннее положение СССР» и отбыл в Москву.

«Температура вновь возобновилась у меня осенью 1924 года, – писал он. – К тому времени вновь разыгралась дискуссия... Я лежал с температурой и молчал. Пресса и ораторы ничем другим не занимались, кроме разоблачения троцкизма». Результатом этой кампании явилось то, что в январе 1925 г. Троцкий был освобожден от обязанностей наркома по военным делам.

Весной, по состоянию здоровья, он вновь приехал на лечение в Абхазию. В начале марта 1925 г. его посетили в Сухуме некоторые соратники.

За несколько дней до открытия III съезда Советов Абхазии к Троцкому должны были прилететь из Тифлиса А. Мясников, С. Могилевский и Г. Атарбеков. Однако, как мы уже знаем, 22 марта 1925 г. «юнкере», на котором они находились, потерпел катастрофу. В тот же день Лакоба выступил на траурном заседании Совнаркома. Большую речь в их память 23 марта произнес в Сухуме Троцкий, который назвал случившееся убийством. (*Трудовая Абхазия*. 1925. 25 марта).

Выполняя поручения Дзержинского и Орджоникидзе, исходившие от Сталина, Лакоба прекрасно справился с заданием по «опеке» Троцкого. Однако роль Нестора была неоднозначной. Он оказался в центре интриг «двух выдающихся вождей» (по Ленину), но, несмотря на сложность своего положения, сумел расположить к себе и Сталина, и Троцкого. В январе 1938 г. из далекой Мексики Троцкий откликнется на смерть Нестора своими воспоминаниями. «Это был (обо всех приходится говорить “был”) совсем миниатюрный человек, – писал он, – притом почти глухой. Несмотря на особый звуковой усилитель, который он носил в кармане, разговаривать с ним было нелегко. Но Нестор знал свою Абхазию, и Абхазия знала Нестора, героя Гражданской войны, человека большого мужества, большой твердости и практического ума. Михаил Лакоба, младший брат Нестора, состоял “министром внутренних дел” (заместителем наркома по внутренним делам. – С.Л.) маленькой республики и в то же время моим верным телохранителем во время отдыхов в Абхазии. Михаил (тоже “был”) молодой, скромный и веселый абхазец, один из тех, в ком нет лукавства. Я никогда не вел с братьями политических бесед. Один только раз Нестор сказал мне:

– Не вижу в нем ничего особенного: ни ума, ни таланта.

Я понял, что он говорит о Сталине, и не поддержал разговора».

Нестора Сталин лично знал еще со времени Гражданской войны. Сталин помнил о роли Лакоба в его борьбе с Троцким в первые месяцы после смерти Ленина. Он считал, что Нестор содействовал укреплению его позиций в этот сложный переходный период. Именно в этом кроется загадка столь долгой (почти двенадцатилетней) расположенности Сталина к Лакоба. На этой основе вождь приблизил к себе Нестора и как бы невзначай, во

всеуслышанье пошутил: «Я – Коба, а ты – Лакоба». В шутке присутствовала некая родственная созвучность, которая как никогда широко распахнула перед Лакоба самые высокие двери в Кремле.

Лакоба. Сталин. Берия

С середины 20-х годов Сталин стал часто приезжать в Абхазию на отдых. Этот край был хорошо знаком ему еще по событиям первой революции в России. Тогда, в ночь на 20 сентября 1906 г., Коба с группой боевиков совершил налет на пароход «Цесаревич Георгий» близ Сухума. Боевики экспроприировали до полумиллиона рублей. Революционеры с деньгами как в воду канули. Сталин с двумя русскими боевиками надежно укрылся у абхазских крестьян. С тех пор этот берег Черного моря стал спасительным для него. А после удачно проведенной операции с Троцким в 1924 г. Сталин все больше стал жаловать руководителя Абхазской республики Н. Лакоба.

Как уже говорилось, в апреле 1924 г. Троцкий покинул Абхазию и выехал в Москву. Вслед за ним, в мае, в столицу в качестве делегата XIII съезда РКП(б) – первого съезда после смерти Ленина – прибыл Лакоба. Здесь Нестор попадает в объятия Сталина и Дзержинского. А уже в следующем году Орджоникидзе посчитал нужным особо отметить: «Товарищ Лакоба, когда мы со Сталиным были там, произвел на нас самые лучшие впечатления из всех бывших там товарищей». В 1927 г. Нестор уже выступал на XV съезде ВКП(б).

Под его руководством республика быстро возрождалась. «На примере маленькой Абхазии можно видеть, – говорил академик Н.И. Вавилов в 1932 г., – как быстро советская страна становится высококультурной, как быстро изменяется лик земли. Абхазское правительство под просвещенным руководством уважаемого Нестора Аполлоновича Лакоба всегда проявляло исключительное внимание к науке, всемерно привлекая всесоюзные научные учреждения и создавая свои научные исследовательские институты и станции в советской Абхазии».

Лакоба творчески подходил к решению проблем, принимал во внимание местные особенности. Так, например, в Абхазии коллективизация не носила насильственный характер. В отличие от других районов страны здесь этот процесс завершился гораздо позже – лишь после его гибели. Выступая в марте 1935 г., Лакоба отмечал: «Низок еще процент коллективизации крестьянских хозяйств...». Эти слова прозвучали в дни, когда Абхазия за выдающиеся успехи в сельском хозяйстве и промышленности была удостоена ордена Ленина. Республику, как это ни парадоксально, наградили за успехи в табаководстве, которое бурно развивалось на основе индивидуальных, а не коллективных форм хозяйствования.

Нужна была крайняя осторожность по отношению к абхазскому крестьянству, чтобы не отпугнуть его от новой власти. Благодаря именно

такой терпеливой политике, в Абхазии не было «головокружений от успехов» и массовой высылки в Сибирь. Нестор строил «социализм» относительно мирным путем. Он прямо говорил: «Не нажимать на колхозы». Нестор считал, что с коллективизацией в Абхазии нельзя торопиться, ибо «кулака у нас нет, а потому вопрос о ликвидации кулака как класса отпадает».

Именно об этом в поэме «Нестор и Сария» около сорока лет назад писал поэт Семен Липкин:

Он все любил в своем родном народе:
Обычай, и эпос, и князей,
Которых он оставил на свободе
И как бы превратил в живой музей.
Он выселял абхазцев с неохотой,
Кулак уничтожался разве сотый,
И то, коль Нестор к стенке был приперт,
Он был в своей приверженности тверд,
Абхазия была его работой...

Такая своеобразная политика шла вразрез со сталинским планом преобразований. Воспользовавшись этой ситуацией, республиканская парторганизация выступила против Нестора. Однако неожиданно для всех его поддержали Сталин и Орджоникидзе. Сталин 19 октября 1929 г. обвинил Абхазский обком в том, что он «не учитывает специфических особенностей абхазского уклада, сбиваясь иногда на политику механического перенесения русских образцов социалистического строительства на абхазскую почву». Взяв Лакоба под защиту, Сталин вместе с тем подверг его критике: «Ошибка т. Лакоба состоит в том, что он а) несмотря на свой старый большевистский опыт, сбивается иногда в своей работе на политику опоры на все слои абхазского населения (это не большевистская политика) и б) находит возможным иногда не подчиняться решениям обкома (это тоже не большевистская политика). Фактов не привожу, так как они общеизвестны. Я думаю, что т. Лакоба может и должен освободиться от своих ошибок. Я думаю, что обком должен помочь т. Лакоба в этом деле, а т. Лакоба должен признать без оговорок руководящую роль обкома во всех делах абхазской жизни».

В то время как в аппаратах управления повсеместно вырастала стена, отделявшая бюрократию от народа, Лакоба продолжал принимать людей не только в правительстве, но и прямо на улице, в кофейне, на набережной, по дороге домой. К нему приходили старики и беспризорники, табаководы и беглые абреки. Он свободно общался с людьми, обладал большим чувством юмора. Так, на одном из совещаний Лакоба говорил: «Мы организовали Совнархоз. К нам приходят крестьяне и спрашивают: кто такой Совнархоз – абхазец или мингрелец?».

При нем открывались абхазские, русские, греческие, грузинские, эстонские, армянские национальные школы, техникумы, театры. Большую помощь народ Абхазии оказал голодающим Поволжья, Крыма и Кубани. Тысячи беженцев, сотни сирот были спасены от смерти крестьянами.

Нестор помогал даже местным... князьям и дворянам, которые оказались в затруднительном материальном положении. Это вызывало недоумение. Так, бывший личный секретарь Нестора, А.М. Буланов, показывал в 1954 г.: «...Не велось в Абхазии какой-либо борьбы с абхазскими князьями, которые чувствовали себя свободно, и это бросалось в глаза. В 1924 году я несколько раз был свидетелем того, как в Совнарком Абхазии приходил князь Александр Шервашидзе и Нестор Лакоба принимал его. Кроме него на прием к Нестору Лакоба приходили князья Эмухвари, Эшба, крупная домовладелица Дзяпшипа. О чем они говорили с Нестором Лакоба, я не знаю, но видел, как Шервашидзе, Дзяпшипа по запискам Нестора Лакоба получали деньги в бухгалтерии Совнаркома. В бухгалтерии говорилось, что им выдавали пособие...».

Позиции Нестора год от года укреплялись. Вождь его жаловал. В то же время Берия, обуреваемый страстями, никак не мог лично познакомиться с Кобой. Несколько раз на свой страх и риск он пытался представиться Сталину, но всякий раз неудачно. Поначалу Сталина раздражала назойливость Берия. Его бесцеремонность вызывала в нем даже гнев. Как-то в один из непрошенных визитов Берия на дачу Сталина в Абхазии Коба спросил секретаря:

- Что, опять приперся?
- Опять, Иосиф Виссарионович...
- Передай ему: здесь хозяин Лакоба, а не он.

Берия понял, что путь к Сталину лежит через Нестора. Лакоба чувствовал себя уверенно, несмотря на небольшие неприятности. В одном из писем 1929 г. соратник Нестора, будущий секретарь Абхазского обкома партии Владимир Ладария сообщал: «Уважаемый и дорогой Нестор!.. Будучи в Сочи, видел Сталина в доме отдыха ЦИКа, расспрашивал все время, где Вы, приедете ли, да здравствует Абхазия, кричал и пел абхазские песни».

Тем временем Берия настойчиво обивал пороги Лакоба. Любопытно в этой связи короткое письмо, написанное на бланке полномочного представителя ОГПУ в ЗСФСР:

«Дорогой т. Нестор! Шлю тебе привет и наилучшие пожелания. Спасибо за письмо. Очень хотелось бы увидеться с т. Коба перед его отъездом. При случае было бы хорошо, если бы ты ему напомнил об этом. Тов. Нодарая приказал отозвать. Взамен приедет хороший чекист. Привет. Твой Лаврентий Берия. 27.09.31 г.»

Перед отъездом из Абхазии Сталин, по просьбе Нестора, принял Берия. Лакоба намекнул, что пора бы выдвинуть на руководящую партийную работу этого молодого энергичного чекиста. Через полтора месяца, 12 ноября

1931 г., Берия стал вторым секретарем Закавказского крайкома ВКП(б) и первым секретарем ЦК КП(б) Грузии. Как стало известно теперь, все на той же даче в Абхазии состоялся разговор о замене М. Орахелашвили новым первым секретарем Заккрайкома (беседа записана рукой Нестора). Сталин вдруг спросил:

– Берия подойдет?

– Берия подойдет, – ответил Лакоба.

С новой кандидатурой согласился тогда и Орджоникидзе.

Очень скоро Берия поднялся еще на одну ступеньку. На шестом пленуме 17 октября 1932 г. он был «избран» первым секретарем Заккрайкома с оставлением его первым секретарем ЦК КП(б) Грузии.

Нестор не смог предугадать дальнейшего развития событий. Он оправдывал свои действия тем, что Берия был родом из Абхазии, что он молод, послушен ему (в отличие от предыдущих первых секретарей ЦК Грузии, с которыми он не ладил), не имеет самостоятельного выхода на Сталина, – такой человек во главе Закавказской парторганизации будет полезен Абхазской республике... Лакоба жестоко просчитался. В одной из его записных книжек есть такое изречение: «Человеку дарованы два блага: надежда и неведение будущего. Последнее еще лучше первого».

Берия быстро вошел во вкус своего нового положения и тут же «отблагодарил» Нестора, в декабре 1932 г. объявив ему выговор. Тот, в свою очередь, отменяет его через Сталина. С этого момента Берия делает все, чтобы подорвать авторитет Нестора в Закавказье, дискредитировать его в глазах Сталина. Об их сложных отношениях уже в то время свидетельствует, в частности, один из ближайших сотрудников Сталина: «Как-то во время очередного приезда к т. Сталину в Сочи Берия и Лакоба пошли по разным дорожкам. Берия пошел по направлению к даче т. Сталина, а Лакоба к служебному дому. Я отчетливо слышал, как Лакоба, подходя к служебному дому, произнес: “Мерзкий человек”. Эти слова меня страшно озадачили... Это было сказано по адресу Берия».

Значительным в их борьбе стал 1933 год. Был ясный летний день. К Холднореченской даче близ Гагр подкатывали автомобили. Приехали товарищи из Москвы. Явился суетливый Берия. Все ждали Сталина на веранде, но он неожиданно появился из глубины сада вместе с Лакоба. После короткой беседы и легкого завтрака гости пошли осматривать сад. (Нестор неоднократно рассказывал своим близким об этом эпизоде.)

«Ну, хватит бездельничать, – сказал Сталин. – Этот дикий кустарник нужно вычистить, он мешает саду...»

Гости, так и не успев переодеться с дороги, взялись за работу. Колючки впивались в их пальцы, цеплялись за брюки и рукава, а Сталин, довольный, попыхивал трубкой. «Слэпци», – доверительно прохрипел он Нестору. Берия достались грабли. Они выводили его из себя. Ему требовалось другое орудие. Какой-то московский товарищ неистово лупил топором по скольз-

кому корню кустарника. Упругий корень подпрыгивал на месте и никак не хотел поддаваться. Берия отбросил грабли, пихнул в бок москвича и, выхватив у него топор, громко, так громко, чтобы долетело до слуха вождя, прокричал: «Мне под силу рубить под корень любой кустарник, который укажет хозяин этого сада Иосиф Виссарионович!»

В тот же день на Холодной речке была сделана символическая фотография. На ней – Лакоба, Сталин, Ворошилов и Берия. Берия еще худощав, обтянут широким армейским ремнем, за которым почти на груди торчит лезвие огромного топора. Заложив руки за спину, он нагло уставил круглые стекляшки пенсне на Сталина.

В том же году в Абхазии было сфабриковано дело о «нападении» на катер Сталина у мыса Пицунда. Уникальные находки были извлечены из московских архивов, которые позволяют в деталях восстановить происшедшее. Так, становится известно, что катер «Красная Звезда» обстреляли 23 сентября 1933 г. «Как очевидец должен сообщить следующее, – писал 14 октября 1953 г. Н.С. Хрущеву сотрудник аппарата ЦК КПСС С. Чечулин. – Катер был небольшой, речного типа, скорость его была слабая. До этого ходил по реке Неве, и к эксплуатации на Черном море катер был явно непригоден. Катер имел стеклянную небольшую круглую кабинку, через которую просматривались все стоявшие и сидевшие в катере. Внутри кабинки никакого укрытия не было... В момент обстрела на катере в кабине с т. Сталиным был я, а из охраны Власик и Богданов. Кроме того, два-три моториста (мне незнакомые) находились в моторном отделении. Тов. Сталин, когда начался обстрел, со стороны выстрелов был прикрыт нами. При этом Власик попросил разрешения у т. Сталина дать ответный огонь. Получив разрешение, Власик произвел из винчестера несколько выстрелов в сторону Пицундской пристани. Катер же в это время пересекал бухту и приближался к западному берегу бухты, к тому месту, где стоит береговой маяк. Чтобы катер не попадал под новый обстрел, но с более близкого расстояния, я выскочил из стеклянного колпака к мотористам и сказал им, чтобы катер вели только по прямой, в открытое море... Тов. Сталин сначала обстрел катера после более чем трехчасового пребывания на берегу в районе Пицунды отнес к абхазскому обычаю, сказав, что у абхазцев принято гостей провожать выстрелами. Однако, когда резко выразились винтовочные выстрелы, т. Сталин, видимо, свое мнение о выстрелах изменил, так как по возвращении на Холодную речку для выяснения причин обстрела в этот же вечер, как только высадились, им был послан на Пицунду Богданов... Дней через пять после обстрела катера на имя т. Сталина (на Холодную речку) поступило частное письмо от одного пограничника, фамилию не помню. В этом письме он просил т. Сталина простить его за то, что он стрелял по катеру, а объяснял он это тем, что принял катер за чужой (иностраный). Этот катер в районе Пицунды действительно появился в первый раз... Содержание этого письма я докладывал лично т. Сталину. Он выслушал и письмо у меня взял...»

Выяснилось, что три выстрела произвел командир отделения погранпоста «Пицунда» Н.И. Лавров. По другой версии, он намеревался остановить катер и отправить на нем в Гагры красноармейца Чигашева с грязным бельем, мишенями и ружейным маслом для Гагринского оперпоста. «Убедившись лично в том, что обстрел катера был случайным явлением, – говорится в заключении помощника Главного военного прокурора подполковника Зарубина от 4 июля 1955 г., – И.В. Сталин распорядился наказать виновных в дисциплинарном порядке и навести уставной порядок на погранпосту “Пицунда”. Однако постановлением коллегии Закавказского ГПУ от 9 января 1934 г. были осуждены Лавров и начальник оперпоста Гетманенко к 3 годам ИТЛ каждый, врид коменданта сухумской погранкомендатуры Беселия – к 5 годам ИТЛ, а оперуполномоченные Пилия А. и Ерофалов – к 2 годам ИТЛ каждый.

В 1937 г., когда начались аресты “участников” так называемой “лакобовской организации”, случай обстрела правительственного катера был использован бывшими работниками НКВД Грузинской ССР и приписан Н. Лакоба как неудавшийся террористический акт в отношении И.В. Сталина. В связи с этим 29 июля 1937 г. был арестован бывший председатель ГПУ Абхазии Микеладзе, а 4 августа 1937 г. органы НКВД Абхазской АССР арестовали Пилия. Только 23 февраля 1940 г. был разыскан и арестован бывший пограничник Лавров». Сразу после ареста Лаврова 1-м спецотделом НКВД СССР Берия на спецсообщении написал: «Кобулову, Федорову. Проследите за расследованием. 15.III 1940 г.». В результате «расследования» 28 июля 1941 г. Лавров был расстрелян, а еще раньше, 10 ноября 1937 г., казнен бывший председатель Абхазского ГПУ А.Н. Микеладзе. По поручению Берия этим делом в 1933 г. занимался С.А. Гоглидзе, который проявил особое рвение и уже в 1934 г. стал наркомом внутренних дел Грузии.

Однако к великому огорчению Берия «инцидент» с обстрелом катера тогда никак не отразился на отношениях Кобы и Нестора. Но время небывалых интриг и провокаций Берия против Лакоба уже наступило. Он пытался любыми средствами выбить его из седла. В ход шли всевозможные приемы, вплоть до «заговоров» на жизнь вождя, замешанных на его болезненной подозрительности.

Итак, Сталин все еще отдавал предпочтение Лакоба. Ему нравилось, как «Глухой» виртуозно владел оружием, снайперски стрелял, что он тоже рос без отца и учился в той же Тифлисской духовной семинарии. Ему была близка деятельность боевика Лакоба в годы Гражданской войны в Батуме и нравилось, что «Глухой» всегда знал, чего хочет Сталин. Нестор был по-прежнему на волне, а Абхазская автономная республика в силу его авторитета и близости к вождю была фактически на положении союзной республики. Такая самостоятельность и независимость Лакоба, которого Берия называл за глаза «глухой горец», приводили Лаврентия в ярость. Однако и 1934 г. в

этом соперничестве остался за Нестором – несмотря на то, что именно на «убиенном» XVII съезде ВКП(б) Берия стал членом ЦК.

Тогда же в Абхазии вышла книга «Сталин и Хашим (1901–1902 гг.)» с предисловием Н. Лакоба (бумагу на издание выделил лично Л.М. Каганович). В ней рассказывалось о революционной работе Сталина в Батуме и о том, как его скрывал от полиции в своем доме абхазский крестьянин Хашим Смырба. Книга понравилась Сталину. В первом номере органа ЦК ВКП(б) журнала *Большевик* за 1935 г. появилась рецензия на нее тогда еще молодого Б. Пономарева, будущего академика и секретаря ЦК КПСС.

Все в том же 1934-м вышел красочно оформленный спецвыпуск журнала *Огонек* под названием «Советские субтропики». В нем крупным планом были даны фотопортреты Берия и Лакоба, говорилось о создании советской Флориды, публиковались призывы догнать и перегнать Калифорнию. Писатель Ефим Зозуля в небольшом очерке «Субтропические люди» писал: «Их много. Они разнообразны, как природа субтропиков, и вовсе не все находятся в пределах субтропических границ». Прямо противоположные характеристики писатель дает Лакоба и Берия. В Лаврентии проглядывают очень конкретные черты: «У него твердые, военные навыки в работе. Огромный опыт. В лице его обращает на себя внимание выражение воли, соединенной с особой острой вдумчивостью. Он говорит нам о субтропиках. Говорит с большим воодушевлением: “Да, этот край будет одним из лучших в стране!” И, говоря это, он кладет на стол перо, которое держал в руке, и, как-то выпрямившись, с восхищением рассказывает, что о субтропиках говорил Сталин: “Тов. Сталин указал нам на необходимость всемерного развития в Закавказье субтропических культур. И мы сделаем это”. На XVII съезде партии т. Берия заявил об этом с высокой трибуны...».

Совершенно в другом плане дан Лакоба. Писатель пишет о нем просто: «Это первое имя в Абхазии. Нестор Лакоба – первый хозяйственник замечательной Абхазской республики. В лице его настороженность и озабоченность: “Методы, методы нужны другие. Разве можно подходить ко всем явлениям одинаково?..” Тов. Лакоба непрерывно разъезжает по Абхазии, думает, работает, ищет людей, вычисляет и почти никогда не бывает доволен достигнутыми успехами».

В спецвыпуске *Огонька* была опубликована и статья Берия под цветистым, но не оригинальным заголовком: «Дадим лимоны, мандарины, апельсины – на стол трудящегося советской страны». В ней обращает на себя внимание одна фраза: «Тов. Сталин поставил перед нами задачу – дать к 1937 г. не менее полумиллиарда цитрусовых плодов».

Как известно, на этот год были поставлены и совсем иные задачи...

Наступил 35-й. Он прекрасно складывался для Нестора и хорошо для Берия. Берия постоянно жаловался: «Лакоба знает дорогу в Москву только через Сочи». Коба подначивал: «Вот, Глухой!.. Значит обходит тебя, Лаврентий, не считается...». О том, как Берия постоянно «стучал» Сталину на

Нестора, говорит и следующее свидетельство. «Берия внешне находился в хороших отношениях с Нестором Лакоба – председателем Совнаркома Абхазии, – показывал в 1954 г. его сын Сергей Берия, – а фактически очень плохо относился к Лакоба. Это я знаю потому, что еще при жизни Лакоба Берия в моем присутствии в разговоре с И. В. Сталиным рассказывал ему о Н. Лакоба в плохом освещении. Берия, например, говорил о каком-то восстании абхазцев (Дурипшский сход февраля 1931 г. – *С.Л.*) и что впереди вооруженных абхазцев шла мать Н. Лакоба, чтобы в нее и, следовательно, в повстанцев отряды НКВД не стреляли, так как ее знали».

Постановлением ЦИК СССР от 15 марта 1935 г. Абхазская АССР была награждена орденом Ленина. Такой же орден получил и Нестор Лакоба. Правда, церемония награждения состоялась спустя год, в Сухуме, в дни празднования 15-летия советской Абхазии. В том же решении ЦИК СССР говорилось о награждении орденом Ленина Грузинской ССР и Л. Берия. В марте в газетах была опубликована фотография: «Берия и Лакоба на заседании VII съезда Советов СССР». Их соперничество, подогреваемое вождем, продолжалось.

Летом Сталин приехал в Абхазию. Сохранилась фотография, снятая в Новом Афоне: Егоров, Ворошилов, Сталин, Тухачевский, Лакоба. По вечерам играли на бильярде. Сталин был доволен: Нестор всю «чесал» командармов. Вождь посмеивался: «И играет лучше вас, и стреляет лучше». Проигрывал ему и Сталин. Коба лишь похлопывал по плечу Нестора и говорил: «За что прощаю, что маленький такой». Теперь смеялись командармы. А Сталин начинал подначивать Лаврентия: «Что не играешь, за шары держишься... Глухого боишься?»

Берия хорошо помнил ход Нестора с книгой, а потом еще эта рецензия в *Большевике*. Нужен был ответ, и он последовал. В 1935 г. вышел в свет «труд» Берия (автором его считается историк Бедия) «К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье», в котором роль Сталина была преувеличена. Однако и эта книга Кобе пришлась по душе.

Было еще одно обстоятельство, подтолкнувшее Берия к такому изданию. К этому времени в партийных верхах стал широко известен неожиданно всплывший документ о деятельности Берия в Баку и его приговоре к расстрелу за подписью Кирова в 1920 г. Незадолго до гибели Кирова и после Орджоникидзе неоднократно ставил об этом в известность Сталина. Но Коба лишь лукаво посмеивался, ласково называя Лаврентия «мошенником». И совершенно не случайно в годовщину убийства Кирова в газете *Правда* 1 декабря 1935 г. о нем появляется огромная статья «Пламенный боец»... за подписью Берия. Тем самым Сталин брал его под защиту.

Одновременно Коба вызывает в Москву Нестора. Здесь Лакоба ожидал сюрприз. На заседании ЦИК СССР он был награжден орденом Красного Знамени за отличия в период Гражданской войны. В один год – сразу два высших ордена страны... В тот же день Коба имел многочасовую беседу с

Нестором в Кремле. На прощание вождь подарил ему свою фотографию с трубкой и как никогда щедро надписал: «Товарищу и другу Лакобе от И. Сталина. 7.XII 35 г.».

Декабрь тридцать пятого оказался, вопреки ожиданиям и надеждам Берия, самым мрачным для него. Лакоба по-прежнему был впереди, но игра продолжалась. В один из дней Берия летит из Тифлиса в Сухум на поклон к «другу». Как в старые времена. Объясняется с Нестором, кается за свою неблагодарность. Вдруг взрывается брат Нестора – Михаил Лакоба и со словами: «Ах ты, змея, твои штучки в Абхазии не пройдут!» спускает Берия с лестницы, выхватив «браунинг». Нестор останавливает брата словом «гость». А Берия, как ни в чем не бывало, уже похлопывает его по плечу: «Ну, что ты, Миша, горячишься...»

В этот период отношения между Сталиным и Лакоба носили очень теплый характер. «Однажды, осенью 1935 г., я сам был очевидцем такого факта, – вспоминал в 1955 г. Э.М. Акшба. – Идя по Кодорскому шоссе к мосту, я случайно встретил прогуливавшихся в этом районе Сталина И.В., Лакоба Нестора, Берия и сопровождавших их лиц. Когда они прошли мост, подошли автомашины и Сталин вместе с Лакоба сели в один автомобиль, причем Сталин взял под руку Лакоба, посадил его на сиденье, сел с ним рядом, и они уехали, а остальные на других автомашинах поехали вслед за ними. Во время приездов И.В. Сталина в Абхазию Лакоба Н. организовывал его охрану и отдых и вместе они проводили очень много времени».

Подкрался 1936-й. Лакоба неоднократно вызывали в Кремль. Начиная с 7 декабря 1935 г. Сталин ведет с ним затяжные беседы по поводу перевода в Москву. Берия узнает об этих предложениях вождя. Ему по душе, что Лакоба уклоняется от перевода. Между тем акции Нестора все растут. Так, обычно юбилею очередной союзной республики отводились одна-полторы полосы газеты *Правда*, а автономной республике и того меньше. Пятнадцатилетию же Абхазской АССР была посвящена значительная часть номера от 4 марта 1936 г. Но особо бросается в глаза первая страница *Правды*. На ней помещена фотография и текст: «Товарищи Сталин, Орджоникидзе, Микоян и председатель ЦИК Абхазской АССР Н. Лакоба (справа) в Сухуме. Снимок сделан в 1927 году, публикуется впервые».

Фотографию и текст к ней члену редколлегии *Правды* Мехлису передал лично Сталин. Партийные деятели того времени ясно понимали, что появление Лакоба на первой странице газеты, в окружении членов Политбюро, не случайно. Все говорило за то, что вопрос о переводе Нестора в Москву решен. А дата в тексте под снимком, 1927 г., как бы напоминала о давних дружеских отношениях Лакоба со Сталиным и другими кавказскими лидерами партии и государства.

Какой же пост готовил Сталин Нестору? Вождь желал посадить его на место... Генриха Ягоды, наркома внутренних дел. Присваивая 26 ноября 1935 г. специально введенное для него «маршальское звание» – генерального

комиссара госбезопасности, Сталин уже подыскивал ему замену. Однако еще 7 декабря 1935 г. Лакоба в очень мягкой форме, чтобы не задеть вождя, уклонился от этого предложения. Он слишком хорошо знал Сталина. И себя. Остерегал его от этого шага и Серго. И все же вплоть до августа 1936 г. Сталин возлагал надежды на Лакоба и одновременно расправлялся щупальцами Ягоды с «группой» Каменева-Зиновьева.

В дни этого процесса в газете *Правда* 19 августа 1936 г. появилась статья Берия «Развезть в прах врагов социализма», которая начиналась словами: «Наша могучая советская страна уверенно идет вперед к вершинам счастливой и радостной жизни». До «вершины» оставался год...

В первой половине августа Лакоба вновь было предложено перебраться в Москву. Однако фактический отказ Нестора насторожил Сталина. Лакоба понимал, что препятствует Берия в проведении шовинистической политики в Абхазии. Перевод Нестора в Москву и утверждение здесь ставленника Берия развязали бы руки Лаврентию. И как был прав С. Липкин, когда в поэме «Нестор и Сария» писал:

Он знал, какие хитрости в цене,
Порою шел от правды в стороне,
Порою по кривым ступал дорогам.
Когда же превращался он в кристалл?
Когда он за Абхазию стоял.

Первым актом своеобразной мести – началом сговора Сталина и Берия против Лакоба – явилось, как ни странно, постановление ЦИК СССР от 17 августа 1936 г. «О правильном начертании названий населенных пунктов», по которому столица Абхазии была переименована в Сухуми. Вождь аккуратно подсыпал упрямому Нестору щепотку соли на большую рану. С этого момента судьба Нестора была predetermined. Он ясно сознавал шаткость своего положения. Тем не менее вождь еще принимал Нестора. Последние встречи между ними состоялись в ноябре и декабре 1936 г. Коба уже играл: говорил о будущем, жаловался на козни Лаврентия, обнадеживал.

В Москве Нестор и его жена Сария, как всегда, остановились в гостинице «Метрополь». Шел Чрезвычайный VIII Всесоюзный съезд Советов (25 ноября – 5 декабря), который принял новую Конституцию СССР. По вечерам Сталин приглашал к себе на ужин, присылал машину. Нестор после съезда задерживался в Москве.

В то же время Берия через своих ставленников ведет атаки на Нестора, пользуясь его отсутствием в Абхазии. Один из соратников Лакоба Анатолий Вардания сообщал ему 1 декабря 1936 г. из Сочи: «Дорогой Нестор! Хотя уже скоро месяц, как не видно солнца, идут дожди, Абхазия остается солнечной Абхазией... Я знаю прекрасно, какие дела Вас задерживают и какое они имеют значение для республики, но дело такое, что в “тылу” не все в порядке...»

Здесь необходимо остановиться на следующем важном обстоятельстве. В 1935 и особенно в 1936 г. Нестор упрямо ставил перед Сталиным вопрос о включении Абхазской АССР в состав РСФСР, что очень сильно раздражало Кобу. Об этом говорит целый ряд свидетельств. Вот одно из них. «Поскольку я находился в течение длительного времени на ответственной партийной работе, – вспоминал М.Х. Гонджуа, – то мне известно, как происходила борьба против Н. Лакоба и его сторонников. Должен прежде всего сказать, что центральным вопросом, вокруг которого происходила борьба, – это было открыто не высказываемое нигде мнение о том, что Абхазия должна входить непосредственно в РСФСР, не быть в составе Грузинской ССР. Поэтому прошлое руководство Грузии, и в частности Берия, боялись, как бы Абхазия не вышла из состава Грузинской ССР. Поэтому принимались все меры к тому, чтобы опорочить Нестора Лакоба».

Такая позиция Нестора и его окружения имела серьезные основания. «Мы считали, – показывал на допросе в августе 1937 г. один из «лакобовцев», Д.И. Джергения, – что политика, проводимая ЦК Грузии в Абхазии, есть не что иное, как желание ЦК КП(б) Грузии и его руководителя Берия превратить Абхазию в неотъемлемую часть Грузии и заселить ее грузинами».

Эта тенденция проявилась даже во внешних, казалось бы безобидных, акциях... Однако они расценивались народом автономной республики как грубые попытки вмешательства во внутреннюю жизнь Абхазии. Так, в протоколе допроса С.С. Туркия от 21 июля 1937 г. сказано: «Кажется, в 1935 г. были введены единые номерные знаки для автомашин с надписью “Грузия” для Грузии с автономными республиками. Как только получили эти знаки в Сухуми, Н. Лакоба воспретил автоинспекции их реализовывать, а сам начал телеграфно ставить вопрос перед Тбилиси о введении для Абхазии отдельных номерных знаков с надписью “Абхазия”. Этого он добился».

Известно, что еще в ноябре, незадолго до отъезда в Москву, Берия, по свидетельству Адиле Шахбасовны Абас-оглы, побывал у Нестора на сухумской квартире. Они возбужденно и долго разговаривали. Лакоба заметил, что его собеседник становится все наглее, увереннее в себе.

Спустя несколько дней после возвращения из Москвы Нестор был срочно вызван к Берия на партактив. Вечером 26 декабря 1936 г. Лакоба выехал в Тбилиси. Остановился в гостинице «Ориант». Утром был у Берия и обругал его последними словами. Дело в том, что Нестору показали план переселения десятков тысяч грузин из районов Западной Грузии в Абхазию. «Только через мой труп», – заявил Лакоба. Придя в гостиницу, сказал: «Будут звонить – меня нет». Но под вечер позвонила мать Берия – Марта Виссарионовна. «Нестор, – сказала она, – я знаю, ты очень любишь жареную форель. Приходи, я тебя очень прошу».

Ужин в доме Берия протекал вяло. Выпили несколько бокалов вина. В восемь вечера Берия предложил посмотреть новый спектакль. В театр они пришли с опозданием. Все обратили внимание на ложу слева, в которой

сидели Берия, его жена и Нестор. Накануне декады грузинского искусства в Москве здесь шла постановка первого грузинского балета «Мзечабуки» («Солнце-юноша»). После первого акта Нестор ушел. Ему было плохо. Его тошнило. По дороге в гостиницу «Ориант» Нестора встретил уполномоченный представительства Абхазии в Грузии А. Энгелов. В гостинице стало хуже. Энгелов и медсестра не отходили от Нестора. Он сидел у открытого зимнего окна и, задыхаясь, повторял: «Убил меня Лаврентий-змея...»

Газета *Заря Востока* в те дни отмечала: «Премьера этого спектакля в Тбилиси прошла с исключительным успехом...» В правительственном сообщении говорилось, что 28 декабря в 4 часа 20 минут утра в Тбилиси от сердечного приступа скончался председатель ЦИК Абхазской АССР Н.А. Лакоба. Ему было 43 года.

В тот же день, 28 декабря, гроб с телом Нестора перенесли из больницы им. Камо и установили в Доме Красной армии. Тысячи тбилисцев пришли проститься с ним. Дошла до нас и уникальная фотография: чета Берия у гроба Лакоба. На лице Берия полуулыбка. И венок: «Близкому другу – товарищу Нестору. Нина и Лаврентий Берия». Вечером тело Н.А. Лакоба было отправлено поездом в Сухуми. Днем 29 декабря состав прибыл на станцию Келасури. Шел сильный снег. Нестора несли на руках до его дома. Сария попросила всех выйти из комнаты. Вызвала Ивана Григорьевича Семерджиева, личного врача Лакоба. После тщательного осмотра он сказал: «Нестор отравлен». Все внутренности, желудок, печень, мозг и даже гортань были изъяты врачами.

29 декабря *Правда* сообщала, что «скоропостижно скончался старый, испытанный большевик, неутомимый руководитель социалистического строительства Абхазии товарищ Нестор Аполлонович Лакоба». В день похорон, 31 декабря, газеты писали о «сильном похолодании» в Абхазии. Все улицы были заполнены народом. С речью о Несторе на траурном митинге выступил председатель Совнаркома Грузии Герман Мгалоблишвили. Берия ему этого не простил.

Похоронили Лакоба с большими почестями в Ботаническом саду в специально отстроенном склепе. Со всех концов страны летели телеграммы. Свое глубокое соболезнование выразили академик Н. Вавилов, М. Цхакая, Г. Петровский, С. Буденный, архитекторы В. Щуко и В. Гельфрейх. Откликнулся руководитель Коминтерна Г. Димитров: «Вместе с вами скорбим по поводу утраты замечательного борца, нашего друга, милого, сердечного Нестора. Крепитесь в вашем великом горе, являющемся горем всего абхазского народа».

Берия не приехал на похороны. Сталин, который ровно год назад сделал трогательную надпись Нестору на своей фотографии, даже не прислал телеграмму.

После похорон Лакоба прошла неделя. В Москве открылась декада грузинского искусства. В Большом театре шла постановка Тбилисского театра оперы и балета «Дареджан Цбиери» («Коварная Дареджан»). «Коварной

Дареджан» наслаждались сидевшие в зале Сталин и Берия – главный режиссер и его помощник в убийстве Лакоба.

В конце января стали снимать портреты Нестора, по Абхазии поползли слухи, что он «враг народа»...

«Враг народа»...

После пышных похорон Нестора прошло чуть больше месяца. Все это время склеп, где покоилось забальзамированное тело Лакоба, охранялся почетным караулом пограничников. В феврале 1937 г., под покровом ночи, Нестора по приказу Берия перенесли из Ботанического сада и перезахоронили на Михайловском кладбище близ Сухума. Здесь его могила значилась под № 3672. Тело отравленного Лакоба не давало покоя Берия.

На допросе 17 ноября 1954 г. один из главных бериевских преступников, палач Р.А. Гангия, показал:

«Лакоба Нестор был захоронен в Ботаническом саду. Спустя месяц примерно после похорон... было объявлено, что он является врагом народа. По приказанию Пачулия (нарком внутренних дел Абхазской АССР. – С.Л.) я лично участвовал в переносе праха Нестора Лакоба из склепа... Останки его были перевезены на Михайловское кладбище, а могила в Ботаническом саду была снесена. Должен сказать, что когда мы закапывали труп Нестора Лакоба на Михайловском кладбище, то неожиданно к месту нового захоронения прибыли жена Нестора Лакоба и его мать, а также жена Михаила или Василия Лакоба... Как они могли узнать о том, что останки Нестора Лакоба переносятся, я точно не знаю».

Вслед за этой акцией в Абхазии начались массовые репрессии. Ордера на аресты ближайших родственников Нестора – Михаила и Василия Лакоба, Меджита Джих-оглы были выданы 8 апреля 1937 г.

Сария едет в Москву. Останавливается у своей подруги – теперь тоже вдовы – Зинаиды Орджоникидзе. В личном архиве Нестора она обнаружила материалы о «бакинском периоде» Берия, в которых говорилось, что приводимые факты может засвидетельствовать товарищ Серго...

Сталин не принял Сарию. Молотов встретил ее холодно. Документ просмотрел, но не взял. Секретарь ЦК ВКП(б) Андреев пообещал передать его Сталину.

Между тем волна арестов нарастает. Забирают ближайших соратников Лакоба. Так, 15 июня 1937 г. пришли за бывшим наркомом земледелия Абхазии Михаилом Чалмаз. Тогда же был арестован и нарком Константин Семерджиев, а вслед за ним его брат доктор Семерджиев и врач В.Т. Анчабадзе, которые вынесли заключение об отравлении. Забрали и младшего брата (по матери) Нестора – Иосифа Цейба.

Очень скоро наступил и черед женщин. Первой, 18 августа, была арестована Шамина Бения – жена Василия Лакоба, а 23-го – 70-летняя Шахусна

(мать Нестора) и Сария. Поводом к этим арестам послужил слух о том, что тело Лакоба, якобы, выкрали с Михайловского кладбища и тайно перезахоронили в родовом селе Лыхны. Однако данной версии противоречат показания очевидца Р. Гангия:

«О том что родственники Нестора Лакоба узнали о месте захоронения трупа (на Михайловке. – С.Л.), – сообщал он, – я доложил Пачулия. После этого, спустя 8–9 месяцев, когда наркомвнуделом был уже Какучая, последний мне предложил разыскать на Михайловском кладбище останки Нестора Лакоба и перенести их в район Маяка. Это распоряжение было вызвано тем, что как будто бы труп Нестора Лакоба похитили его родственники. На самом деле труп его оказался на месте. Под моим руководством труп был захоронен в районе Маяка. Во время этой эксгумации я снял значок ЦИКа и взял белый ножик, который находился в одежде, и представил их Какучая в качестве доказательства, что труп Нестора Лакоба был мною обнаружен».

В своих показаниях Гангия обходит вопрос о сожжении останков Нестора в известковой яме. В этой связи большой интерес представляет протокол допроса Берия от 28 августа 1953 г., произведенного Генеральным прокурором СССР Р.А. Руденко. Особого внимания в нем заслуживают не столько уклончивые ответы Берия, сколько вопросы Генерального прокурора.

«Вопрос: Нестор Лакоба вам хорошо известен?

Ответ: Хорошо известен.

Вопрос: В каких отношениях вы находились с Лакоба?

Ответ: В более или менее хороших, бывали друг у друга...

Вопрос: При каких обстоятельствах произошла смерть Лакоба?

Ответ: Лакоба был в Тбилиси по делам. В день смерти после заседания ЦК партии Грузии Лакоба вместе с другими у меня дома обедал. После обеда сразу пошли в театр и там часа через полтора или два он ушел из театра к себе в гостиницу и вызвал врача. В ту же ночь под утро он умер. Смерть его наступила, как мне потом стало известно, после сердечного приступа.

Вопрос: Кому поручено было вести следствие по поводу смерти Лакоба?

Ответ: Не помню, может быть, вел Гоглидзе.

Вопрос: Было ли произведено химическое исследование внутренних органов трупа Лакоба на отсутствие яда?

Ответ: Это мне неизвестно. Из сообщения врача мне известно, что у Лакоба давно были сердечные припадки, анатомическое вскрытие подтвердило склероз сердца.

Вопрос: Кому принадлежит мысль вырыть труп Лакоба из земли и сжечь его?

Ответ: Этого я не знаю.

Вопрос: Признайтесь, что вы отравили Лакоба, как человека, который был осведомлен о вашей преступной деятельности, со стороны которого вы могли опасаться разоблачения?

Ответ: Это я отрицаю.

Протокол мною прочитан, записано с моих слов верно. Л. Берия».

Рядом с Нестором в тот роковой вечер 27 декабря 1936 г. находился уполномоченный Абхазии при СНК Грузии Анастас Ангелов, который был убежден в том, что Лакоба умер не своей смертью. Подкрепляет это мнение и Иван Кортуга – тогдашний руководитель абхазского студенческого землячества в Тбилиси. По его свидетельству, днем 27 декабря Нестор в постпредстве Абхазии в присутствии Ангелова распорядился оказать студентам материальную поддержку. Их беседу несколько раз прерывал телефон. Сначала звонила жена Берия и настойчиво приглашала Нестора в гости, но тот вежливо отказывался. Наконец, позвонила мать Берия... Лакоба ходил по комнате и говорил: «Очень интересно. Что же он хочет от меня, Берия, все время приглашает?» (Записано со слов бывшего чекиста М.С. Ахба).

Вскрытие было проведено в присутствии наркома здравоохранения Грузии Мамаладзе, который непосредственно занимался химическим исследованием внутренних органов и крови. Однако он вскоре был арестован, как и Ангелов, который также присутствовал при вскрытии. А врач Сусанна Виссарионовна Джанашия, проводившая анализ крови, сказала: «Он же отравлен». Этого было вполне достаточно, и она оказалась в Карагандинском лагере. Производивший вскрытие Нестора профессор В.К. Жгенти так и не смог показать, кем сделана приписка в конце медицинского протокола: «Яд не найден». А хирург Варлам Шервашидзе свидетельствовал в 50-е годы: «Когда тело Н. Лакоба было доставлено на квартиру, в доме Лакоба было полно народа. Также на квартире был и я. Сария Лакоба обратилась ко мне с просьбой исправить обезображенное несколько лицо покойного. Действительно, после патологоанатомического вскрытия, произведенного в Тбилиси, опиленная черепная крышка под кожей сместилась вперед. Сария Лакоба попросила всех выйти, и я остался еще с кем-то, мы переложили труп и поставили черепную крышку на место. Во время перекладывания трупа я увидел, что вскрытие было произведено весьма подробно, подробнее, чем обычно производится вскрытие. Обычно при вскрытии ограничиваются грудной, брюшной и черепной полостью, а у него были вскрыты и ноги (были швы на голени)».

Разные толки вызывало и поведение тбилисских властей, так как Лакоба был анатомирован без вызова его лечащих врачей из Сухума. Кроме того, акт о вскрытии Лакоба не был подписан наркомом здравоохранения Абхазии, а его подпись под документом оказалась «заделанной»...

Всяческого внимания заслуживают показания Марии Спиридоновны Цеквава, осужденной в 1937 г. как жена «врага народа» Михаила Шлаттера к 8 годам лишения свободы, которые она дала в 1954 г. С 1930 г. ее семья проживала в Тбилиси. «Я находилась дома, – вспоминает она, – когда моя дочь Ада, вернувшись из театра оперы и балета, где ставилась премьера, насколько мне помнится, «Мзечабуки», рассказала, что она видела в ложе

Нестора Лакоба, который сидел вместе с Берия и его женой, и что в середине спектакля Н. Лакоба стало плохо и он из ложи вышел... Рано утром ко мне позвонила жена Ангелова и сообщила, что Н. Лакоба скончался... Прошло около месяца, на улице Белинского в г. Тбилиси я встретила нашего общего знакомого Ангелова Анастаса. Ангелов после смерти Н. Лакоба ходил морально убитый и во время этой встречи он, делаясь со мной, передал, что он уверен в том, что Н. Лакоба умер не от грудной жабы, как это говорили врачи, принимавшие участие во вскрытии трупа, а что, мол, он был отравлен и что в этом он был убежден. Тогда же Ангелов мне рассказал, что больного Лакоба он встретил выходящим из театра и сопровождал его до гостиницы «Ориант». В вестибюле Лакоба стало хуже, и он стал падать. Тогда Ангелов, поддерживая его, довел до его номера. В номере Н. Лакоба попросил открыть окно, так как ему не хватало воздуха, при этом он порывисто дышал и повторял слова, что ему нехорошо, что его отравили. Видя, что Лакоба плохо, Ангелов позвонил на дом к врачу Кипшидзе, но его дома не оказалось, он был в театре. Тогда Ангелов сам побежал в театр, разыскал Кипшидзе и передал ему, что Нестору плохо. Тут же хочу отметить, что, когда он передавал Кипшидзе в отношении болезни Лакоба, эти слова слышала моя дочь Ада, которая сидела в партере сзади Кипшидзе. Далее Ангелов мне рассказал, что, когда в прозектуре Михайловской больницы производили вскрытие трупа Лакоба, несмотря на то, что ему – Ангелову не разрешали присутствовать при вскрытии, он ворвался туда и присутствовал при вскрытии трупа... Это все, что мне рассказал при этой встрече Ангелов. После этой встречи я уже Ангелова не видела».

Этот рассказ совпадает с рядом других показаний и воспоминаний.

После гибели Нестора начался процесс огрузинивания Абхазии. Прежде всего это стало проявляться в кадровой политике. Один из ближайших бериевских сподвижников С.С. Мамулов позднее сообщал: «Я наблюдал, что Берия и Лакоба внешне соблюдали хорошие отношения, а после смерти Лакоба Берия на бюро ЦК стал прямо заявлять, что в Абхазию нужно больше посылать работников мингрельцев, так как в Абхазии абхазцев мало и чуть ли не меньшинство. Ранее этого Берия не заявлял». Подтверждают эти слова и показания А.М. Деяна: «Я хочу отметить, что Н. Лакоба правильно проводил национальную политику в Абхазии. В период его деятельности в СНК Абхазии его заместителями были греки, армяне, мингрельцы. Но после «лакобовского процесса» в 1937 г. стала проводиться со стороны Берия такая политика, что армянин, русский, грек не могли найти работу в Абхазии. Все ответственные посты стали заниматься только грузинами, мингрельцами».

В начале 1937 г. председателем ЦИКа Абхазии стал А.С. Агрба. При нем же в автономной республике начались массовые аресты. Долгое время Агрба работал в аппарате Закавказской чека и был приближенным Берия, а после назначения Лаврентия на пост первого секретаря ЦК Грузии стал председателем Закавказского ГПУ.

Берия, посвященный во все тайны сложных отношений между Лакоба и Агрба, еще в 1936 г. попытался подсадить Нестора. Однако эта авантюра ему самому чуть было не стоила головы. Дело обстояло так.

В январе 1936 г. секретарем Абхазского обкома партии был назначен Алексей Агрба. До этого все совещания руководства, все заседания бюро обкома проходили в кабинете Нестора, в ЦИКе. С приходом Агрба положение изменилось. Он стал преследовать окружение Лакоба и требовал, чтобы Нестор являлся на совещания в обком партии. Лакоба начал посещать заседания, но при этом неизменно опаздывал.

О происходившей тогда борьбе в верхах очень подробные показания дал в 1955 г. бывший начальник хозуправления Абхазии Р.Д. Эшба: «Относительно снятия Агрба с поста секретаря обкома в 1936 г. Заступив на пост секретаря, он стал обезличивать и игнорировать Лакоба. Агрба провел решением бюро обкома запрещение выезда членов бюро и в том числе Лакоба из Сухума без разрешения бюро обкома. К тому времени, летом 1936 г., на отдых в Мюссеры приехал И.В. Сталин. Не встретив Лакоба, как это бывало всегда, И.В. Сталин был очень удивлен этим и дал задание выяснить, что с ним (Лакоба) случилось. Когда Лакоба разыскали и передали, что вождь удивлен тем, что Лакоба не встретил его, Лакоба попросил передать, что по-прежнему рад и счастлив встретить его, но что лишен этой возможности, так как, будучи коммунистом дисциплинированным (вспомните письмо Сталина по поводу Нестора от 19 октября 1929 г. – *С.Л.*), не может нарушить постановление бюро обкома и выехать из Сухума. Как рассказывали близкие работники Н. Лакоба, он все-таки немедленно был вызван к вождю. Когда И.В. Сталин узнал об этом и что Агрба игнорирует его, Лакоба, дал указание Берия немедленно убрать Агрба, и на самом деле Агрба был вскоре смещен и отозван в Тбилиси. Этот факт являлся большим поражением Берия».

Однако очень скоро после смерти Лакоба и Алексей Агрба стал жертвой репрессий. 18 сентября 1937 г. он был арестован, а 21 апреля 1938 г. расстрелян.

Сария

Осенью 1937 г. в Сухуми по примеру московских показательных прошел открытый судебный процесс по «делу 13-ти лакобовцев». Официально дело называлось: «О контрреволюционной, диверсионно-вредительской, шпионской, террористической, повстанческой организации в Абхазии». 30 октября – 3 ноября 1937 г. перед судебным спектаклем в гостеатре Абхазии предстали: М. Чалмаз, М. Лакоба, К. Инал-ипа, Д. Джергения, В. Лакоба, В. Ладария, А. Энгелов, С. Туркия, П. Сейсян, М. Кишмария, С. Эбжноу, Х. Чанба, К. Ахуба.

Сухумский процесс проходил при ближайшем участии Берия. Он потребовал завершить его до ноябрьских праздников. Еще за неделю до начала

первые десять подсудимых были выделены красным карандашом. Напротив стояла резолюция: «Расстрелять. Л. Берия». Они обвинялись в том, что входили в «диверсионно-террористическую группу обер-бандита Н. Лакоба, готовившего покушение на вождя народов Сталина».

Накануне процесса в служебном вагоне на станции Келасури Берия принимал ответственных за проведение этого показательного судилища: наркома внутренних дел Абхазии Г. Пачулия, председателя Верховного суда Т. Антия, прокурора Абхазии В. Шония и общественного обвинителя М. Делба.

В дни процесса, 1–2 ноября 1937 г., в Сухуми под руководством Берия состоялись пленум Абхазского обкома партии и сессия ЦИК, на которых был рассмотрен организационный вопрос. К руководству республикой пришли шовинисты. Почти все абхазы были выведены из состава обкома партии и ЦИКа Абхазии, а затем уничтожены (См.: *Сагария Б.Е.* Воспитание историей // *Бзыбь*. 1988. 23 июня).

В ночь на 4 ноября 1937 г. были расстреляны В. и М. Лакоба, М. Чалмаз, П. Сейсян, А. Энгелов, В. Ладария, С. Туркия, Д. Джергения, С. Эбжноу. Только в отношении одного человека, К. Инал-ипа, приговор был приведен в исполнение позже.

В дни «лакобовского процесса» Берия, окруженный охраной, прогуливался по сухумской набережной. Это был его первый приезд в Абхазию после гибели Лакоба. По свидетельству профессора Зураба Анчабадзе, его друг Рауф, сын Нестора, подошел к нему и попросил разрешить свидание с матерью. Берия пообещал. На следующий день, 31 октября, за Рауфом пришли. Он был арестован первым из детей, пятнадцати лет. В тбилисской тюрьме Рауф увидит мать...

Сария подвергалась самым диким пыткам со стороны следователей Кобулова – Кадагишвили, Давлианидзе, Савицкого, Хазана, Галаванова... На допросах присутствовал Берия, требовал показать, что Лакоба готовил заговор против Сталина. Его интересовала и судьба архива Нестора, в котором хранились не только письма его самого. На розыске документов настаивал Сталин. Сария все отрицала, отказывалась давать показания. Тогда на ее глазах начали пытать братьев – Меджита, Лютфи, Акки, Хэмди Джих-оглы... Она молчала. Пробовали и по-другому. Сарию пытали на глазах у братьев. (Репрессиям подверглись пятеро ее братьев и сестра Назия.)

– И вот Берия решился на очную ставку Сарии с Рауфом, – рассказывает самый младший, пятый, брат Мусто Ахмедович. – Она не дала результата. Тогда он закричал: «Бейте этого выродка! Топчите! До ее бесстыжего слуха отлично дойдет вой сына!» Его били снова и снова. «Спаси меня, мама, – просил он. – Скажи все, что они велят». Но она лишь отвечала: «Терпи, сын мой, ради отца терпи!» Все, что я рассказал об этой «встрече», мне передал Рауф алфавитным стуком по перегородке, которая разделяла нас во внутренней тюрьме в Сухуми, куда его доставили из Тбилиси в 1939 г.

Одна из сокамерниц Сарии, М.В. Васина, в письме Н.С. Хрущеву от 14 августа 1953 г. по поводу чудовищных пыток жены Н. Лакоба сообщала: «Бригада по репрессиям из пяти человек выматывала ежедневно духовные и физические силы Сарии (выкрутили руки и выбили челюсть, пороли шомполами, плетками толщиной в руку с проволочными наконечниками, сажали в каменный мешок и карцер с водой и крысами, в смертную и т. д.), на ее глазах так избивали сына школьника, что из его рта, носа и ушей лила кровь ручьем, ее крик проникал в подвалы – в сердца сотен матерей-заключенных и по всему зданию НКВД. Сария не видела конца мучениям и издевательствам...».

В разное время во внутренней тюрьме НКВД в Тбилиси вместе с Сарией сидели Е. Федорова, А. Цатурова-Агабабова, Л. Чиковани, А. Киларджишвили, А. Орджоникидзе и многие другие женщины, которые рассказали о стойкости Сарии.

Жена Нестора Лакоба скончалась в Тбилиси в Ортачальской тюремной больнице 16 мая 1939 г. в три часа дня. В возрасте тридцати четырех лет. «Этой женщине нужно воздвигнуть памятник!» – скажет позднее о Сарии Генеральный прокурор СССР Р.А. Руденко.

О последних днях Сарии знает и ее невестка Адиле Шахбасовна Абасоглы, арестованная вслед за своим отцом и дядей (погибли в Магадане) 22 февраля 1939 г. как член семьи Н. Лакоба, в квартире которого она жила с декабря 1935 по 1937 г.

Многие из тех, кто был причастен хоть как-нибудь к «лакобовцам», подвергались репрессиям. Не только коллеги по работе, родственники, шоферы, но и просто знакомые и даже повар с кладбищенским сторожем. Пыткам была подвергнута и мать Нестора. В камере Шахусна кричала: «Нас уничтожил Берия. Берия отравил моего сына». Еще до суда ее зверски убил палач Ражден Гангия.

Рауф и дело абхазских юношей

Со всей безжалостностью репрессии обрушились и на детей. Вслед за Рауфом были заключены сначала в специальные детдома, а затем переведены в тюрьмы дети Михаила и Василия Лакоба, Константина Инал-ипа. Вместе с Рауфом в камере № 20 Драндской тюрьмы 2 месяца и 9 дней сидел А. Миносян, который показывал в 1955 г., что сын Лакоба числился лично за Берия и тот требовал от юноши указать местонахождение двух его писем к Нестору. «Содержание этих писем, – говорится в документе, – как мне стало известно по рассказам Р. Лакоба, примерно следующее: Берия Л. просил Н. Лакоба переговорить с Кобой – И. В. Сталиным – по поводу его выдвижения на пост первого секретаря ЦК КП(б) Грузии. О существовании подлинников этих писем Рауф мне говорил, что они должны храниться у М. Чалмаза... По рекомендации Н. Лакоба Берия и был выдвинут на руководящую работу в ЦК».

После ареста Рауфа прошло два года. В октябре 1939 г. под стражу были взяты «опасные террористы»: Лакоба Николай (Кукуша) Михайлович, ученик 7 класса, 1922 г. рождения; Лакоба Тенгиз Васильевич, ученик 6 класса, 1924 г. рождения; Инал-ипа Николай (Кока) Константинович, ученик 6 класса, 1923 г. рождения. Все они обвинялись в том, что совершили политическое преступление в 1937 г., то есть когда Н.М. Лакоба и Н.К. Инал-ипа было по 14 лет, а Т.В. Лакоба – 13. На протяжении двух лет следствие об этих абхазских юношах велось НКВД Грузинской ССР, а в марте 1940 г. по распоряжению начальника ГЭУ НКВД СССР Кобулова все четверо были этапированы в распоряжение следственной части НКВД СССР.

Во внутреннюю тюрьму НКВД СССР они поступили 1 апреля, причем Рауф содержался в камере №4. Отсюда на имя Берия 20 апреля 1940 г. он направил заявление, в котором писал:

«Арестован я 31 октября 1937 г., т.е. в возрасте 15 лет, и предъявлено мне обвинение в антисоветской агитации. В первом и втором следствии, произведенных в НКВД Абхазской АССР, виновным я себя не признавал и говорил правду... Но на следствии в Грузинском НКВД в сентябре 1939 г. меня *вынудили* (выделено Рауфом. – С.Л.) признать таковые обвинения, от которых я *категорически отказываюсь*, ибо факты, мною признанные, не соответствуют действительности, а также считаю, что следствие Грузинского НКВД подошло ко мне *пристрастно*...

Мне обидно, гр. Народный Комиссар, что в это время, когда в мои годы нужно учиться, приобрести знания, я же скитаюсь из тюрьмы в тюрьму, и несу такое тяжелое наказание, по существу, не совершив никакого преступления».

На первом же по прибытии в Москву допросе 23 апреля 1940 г. Рауф Лакоба заявил следователю Альтману, что отказывается от данных им на следствии в НКВД Грузии показаний. Не признал он себя виновным и 29 апреля. После этого Рауфа помещают в самую страшную, Сухановскую, тюрьму. После изнурительного допроса, который продолжался с 11 по 12 мая 1940 г. (с 14.00 до 3.00 часов), следователи Кушнерев и Хват добились желаемого результата. Рауф «признал себя виновным в том, что возглавил антисоветскую террористическую группировку в сухумской школе, занимался вместе с членами этой группировки клеветническими измышлениями и имел террористические намерения в отношении Берия». Аналогичных «признаний» Кушнерев добился от Н. Лакоба 14 мая, Т. Лакоба 21 мая и К. Инал-ипа 31 мая.

Дело о «террористах» было заслушано 5 июля 1941 г. на подготовительном заседании Военной коллегии Верховного Суда СССР под председательством В.В. Ульриха. Заседание определило: «Дело заслушать в закрытом судебном заседании, без участия обвинения и защиты и без вызова свидетелей». На следующий день, 6 июля 1941 г., суд приговорил абхазских юно-

шей к высшей мере наказания – расстрелу. В своем последнем слове Николай (Кукуша) Лакоба сказал: «Мне просить у суда нечего».

Самый младший «террорист» Тенгиз Лакоба 7 июля в 23 часа передал через помощника начальника Бутырской тюрьмы ходатайство о помиловании. Его отклонили.

Первым, 27 июля, был расстрелян Кока Инал-ипа, а на следующий день, 28 июля 1941 г., – Рауф, Николай и Тенгиз Лакоба...

Позднее, в 1953 г., бывший палач НКВД А. Хазан скажет: «Процессом о “лакобовском” заговоре Берия, несомненно, стремился завоевать еще большее доверие к себе. Подобно восточному сатрапу, Берия уничтожал семьи осужденных».

Юноши были приговорены к расстрелу, несмотря на то что к моменту «совершения преступления» никому из них не было 18 лет, а Тенгизу Лакоба ко времени вынесения приговора исполнилось лишь 17. В реабилитационном заключении Военной коллегии Верховного Суда СССР от 3 сентября 1955 г. по делу Лакоба Р.Н., Лакоба Н.М., Лакоба Т.В., Инал-ипа Н.К. особо подчеркивалось, что они признали «вину» после «пребывания в Сухановской тюрьме НКВД СССР (спустя два с половиной года после ареста)...». В «Определении» суда было сказано: «Принимая во внимание, что в результате фальсификации материалов предварительного следствия наступили тяжелые последствия, что в расследовании дела Лакоба Р.Н. и др., кроме осужденных врагов народа Кобулова и Шварцмана принимали участие Хват и другие работники НКВД СССР, а также имея в виду, что Хват, кроме того, принимал участие в расследовании других дел, которые впоследствии прекращены как сфальсифицированные на предварительном следствии (дело по обвинению академика Вавилова Николая Ивановича и др.), Военная коллегия Верховного Суда СССР определила: Довести об изложенном до сведения Генерального прокурора СССР на предмет привлечения к ответственности Хвата и др. лиц, принимавших участие в фальсификации дела Лакоба Р.Н., Вавилова Н.И. и др. дел».

В живых остались лишь Саида и Зина – дочери Михаила и Василия Лакоба. Жену Василия расстреляли. С 1938 по 1946 г. по тюрьмам и лагерям скиталась жена Михаила – Вера Георгиевна. Еще семь лет, до самой смерти Сталина, она находилась на поселении в Караганде.

– Мне было 12 лет, – рассказывает Саида Михайловна Лакоба, – когда арестовали маму в 38-м. Она пошла по тюрьмам, а я с братьями Николаем (Кукуша) и Сергеем (Чива) – по детдомам. Всегда и отовсюду нас забирали ночью и всегда с нами были дочь немецкого коммуниста Ева Циммерман, Леня Большаков, Айна и Эрн Антоновы. Эрн сошла с ума и все повторяла: «Листья шуршат, листья шуршат... Тихо, идут». Наконец, мы попали в Винницкую область, в местечко Яново, где располагалась детская трудовая колония НКВД. Возглавлял ее, кстати, замечательный человек Борис Иванович Пшеминский. Нас, детей, там было около шестисот... Ночью в 39-м

из детдома перевели сначала в сухумскую, а затем в тбилисскую тюрьму моего старшего брата Кукушу (Николая). Больше я его никогда не видела.

В 1941 г. из детдома в тюрьму попал другой мой брат – Сергей. В середине 50-х годов мы с мамой, Верой Георгиевной, уже знали о гибели Николая. О судьбе же брата Сергея я узнала лишь в 1965 г. На мой запрос из Министерства обороны СССР 5 января пришел ответ за подписью полковника Федоренко. В нем говорилось: «Сообщаю, что по имеющимся в Отделе сведениям Ваш брат, рядовой 242-й стрелковой дивизии *Лакоба* Сергей Михайлович, 1924 г. рождения, уроженец г. Сухуми, призванный Темиргоевским райвоенкоматом Краснодарского края, в бою за Социалистическую Родину погиб 22 июня 1943 г. и похоронен: северо-западнее 900 м х. Гапоновского, Краснодарского края». В графе «Адрес родственников» указано: Тетя, Золина Наталья Тихоновна, проживала: Краснодарский край, Курганский р-н, Темиргоевский с/с, ст. Темиргоевская».

Поехала по этому адресу. Золиной уже не было в живых, но я застала ее дочь. Она вспомнила моего брата. Он провел в их доме всего несколько дней. Перед уходом на передовую рассказал о судьбе своей семьи. «Мы думали, брешет», – покачала головой дочь.

Стихотворение Мандельштама на смерть Нестора

Весной 1930 г. Мандельштама заинтересовал не только абхазский язык, но и абхазские песни. В одной из записных книжек поэта сказано: «Абхазские песни удивительно передают верховую езду. Вот копытится высота; лезет в гору и под гору, изворачивается и пряжится бесконечная, как дорога, хоровая нота – камертонное бессловесное длинное а-а-а! И на этом ровном многокопытном звуке, усевшись в нем, как в седле, плывет себе запевала, выводя озорную или печально-воинственную мелодию».

Проводником Мандельштама в мир абхазского фольклора был собиратель народных песен Константин Ковач. Они познакомились в Сухуме. Это было перед поездкой Мандельштама в Армению. На обратном пути, после долгого перерыва к нему вернулись стихи. Пройдет еще семь лет, и поэт напишет стихотворение, посвященное Абхазии.

Жена поэта, Надежда Яковлевна, об этом периоде его творчества вспоминала: «Ссылка на песнь у О.М. редкость. В последний период она встречается кроме черновиков “Волка” и “Бушлатника” только в “Абхазской песенке”: “Пою, когда гортань – сыра, душа – суха, и в меру влажен взор, и не хитрит сознание...”. Каторжный фольклор у О.М. заметен сразу – его подсказала жизнь и он лежит на поверхности».

Благодаря этим воспоминаниям и становится известной сейчас «Абхазская песенка». Интересно, что это название до самого последнего времени не было приведено ни в одном издании, не отмечалось оно даже в примечаниях. Оно известно лишь по первой строчке – «Пою, когда

гортань – сыра, душа – суха...» (Мандельштам О. Стихотворения. Л., 1973).

Что же произошло? Почему спустя семь лет Мандельштам снова вспомнил об Абхазии? И почему абхазская песенка оказалась рядом с сибирскими каторжными?

Дело в том, что стихотворение явилось своеобразным откликом на гибель Нестора Лакоба, который, кстати, был инициатором сбора абхазских песен и покровителем Ковача. Еще в 1930 г. между Лакоба и Мандельштамом возникли дружеские отношения. «Это Лакоба пригласил нас на правительственную дачу», – вспоминала Надежда Яковлевна. Сам О. Мандельштам в очерке «Сухум» писал тогда:

«В приемной Совнаркома я видел жалобщиков – крестьян. Старики-табаководы в черной домотканой шерсти похожи на французских крестьян-виноделов.

У Нестора Лакобы – главы правительства – походка человека, стреляющего из лука... Это он привез медвежонка на автомобиле, получил медвежонка в подарок от крестьянского оратора на митинге в Ткварчелах. Слуховая трубка глухого Лакобы воспринимается как символ власти».

После смерти Нестора прошло чуть больше месяца, и 8 февраля 1937 г. Осип Эмильевич создал стихотворение-воспоминание, стихотворение-посвящение – «Абхазскую песенку».

Пою, когда гортань – сыра, душа – суха,
И в меру влажен взор, и не хитрит сознание:
Здорово ли вино? Здоровы ли меха?
Здорово ли в крови Колхиды колыханье?
А грудь стесняется – без языка – тиха:
Уже не я пою – поет мое дыханье –
И в горных ножнах слух, и голова глуха...

Песнь бескорыстная – сама себе хвала:
Утеха для друзей и для врагов – смола,

Песнь одноглазая, растущая из мха –
Одноголосый дар охотничьего быта,
Которую поют верхом и на верхах,
Держа дыханье вольно и открыто,
Заботясь лишь о том, чтоб честно и сердито
На свадьбу молодых доставить без греха.

И еще один важный штрих. После работы Нестор часто навещал своих гостей на даче Совнаркома. «Лакоба умел развлечь людей интересным рассказом», – пишет Надежда Яковлевна. В один из весенних вечеров 1930 г. он рассказал о своем предке Урусе Лакоба, который в 1822 г. якобы отравил во время обеда владетельного князя Абхазии. «На О.М. рассказ Лакобы

произвел большое впечатление, – вспоминала жена Мандельштама, – ему слышался в нем какой-то второй план. Нам говорили, что в 37-м году Лакобы уже не было в живых».

Но была и осталась «Абхазская песенка». Прислушаемся к ней еще раз. Особенно к первой части. «Здорово ли вино?» Нет, вино было больное. Отравленное.

А грудь стесняется – без языка – тиха:
Уже не я пою – поет мое дыханье –
И в горных ножнах слух, и голова глуха...

Видимо, Мандельштаму были хорошо известны истинные обстоятельства гибели глухого Лакоба. И даже то, что смерть его наступила в зажатом со всех сторон горами («в горных ножнах») городе Тбилиси. В дни похорон люди говорили: «Нестор отравлен». Поведать об этом поэту мог и Виктор Шкловский, только что вернувшийся из траурного Сухуми.

Предчувствие Мандельштамом «второго плана» оказалось пророческим.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В данном очерке о главе правительства Абхазии Несторе Аполлоновиче Лакоба (1893–1936) использованы следующие источники и литература:

- архив мемориального музея-квартиры Н.А. Лакоба;
- личный архив Н.А. Лакоба;
- документы госбезопасности, которые в 1989–1990 гг. в архиве КГБ СССР обнаружил доктор исторических наук В.Г. Ардзинба (тогда депутат Верховного Совета СССР);
- воспоминания Мусто Джих-оглы (рукопись);
- газеты 20–30-х годов XX в.: *Голос трудовой Абхазии, Трудовая Абхазия, Заря Востока, Правда*;
- *Троцкий Л.* Моя жизнь. Опыт автобиографии. Т. II. Берлин, 1930;
- *Троцкий Л.* Портреты. Бенсон, 1984.